

счастья. Кроме того, идея суммирования удовольствий и страданий разных людей изначально наталкивается на принципиальную несопоставимость таких оценок, т. е. проблему межличностного сравнения полезностей.

Еще один теоретический изъян в системе Бентама выявил со своей неизменной пронизательностью Б. Рассел: «Если каждый человек гонится за собственным удовольствием, то как мы сможем гарантировать, что законодатель будет заботиться об удовольствии человечества в целом?.. Если бы ему [Бентаму] поручили составить свод законов для некоторой страны, он исходил бы при этом из того, что, как он был убежден, является интересами общества. Он не преследовал бы при этом свои собственные интересы или (сознательно) интересы своего класса. Но если бы он понял этот факт, он должен был бы изменить свое психологическое учение».⁸

Однако все несовершенства утилитаризма являются в то же время... и его заслугами. Ведь все они были осознаны на основе утилитаристского анализа. Поэтому заслуги Бентама перед экономической наукой вряд ли можно переоценить. Бентам оказал значительное влияние на развитие экономической науки. Среди его ближайших последователей были известные экономисты-рикардианцы Дж. Милль и его сын Дж. С. Милль. Позднее идеи утилитаризма сыграли важную роль в распространении идей «маржиналистской революции»: на них опирались такие ее первопроходцы, как Г. Госсен., У. С. Джевонс, Ф. Эджуорт, А. Пигу и в немалой степени А. Маршалл.

РАЗДЕЛ 4

Разговоры в пользу бедных, или Джон Роулз — великий борец за теоретическую справедливость

В 1960-е гг. внимание философов все больше стали привлекать социально-политические проблемы. Молодежные бунты, расовые волнения, вьетнамская война, подъем социалистической системы, скептицизм в отношении «государства всеобщего благоденствия»... Идеология политического и экономического либерализма постоянно критиковалась как справа, так и слева. Либеральная философия переносила, наверное, самый тяжелый с начала века кризис.

И вот с 1971 г. в центре оживленных дискуссий оказалась книга, которая выступила в защиту терпящей крушение идеологии и впоследствии стала классическим произведением неолиберальной мысли. Это была «Теория справедливости», написанная президентом Американ-

⁸ Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1994. Т. 2. С. 260–261.

ской ассоциации политических и социальных философов Джоном Роулзом.

Дж. Роулз родился 21 февраля 1921 г. в Балтиморе. В 1950 г. он получил степень доктора философии в Принстонском университете (его диссертация была посвящена вопросам моральной ценности личности). В 1952–1953 гг. он, получив стипендию Фулбрайта, стажировался в Оксфорде и затем, вернувшись в США, работал в Корнеллском университете.

В 1957 г. выходит его очень небольшая (всего 9 страниц) статья «Справедливость как честность» в «Журнале философии».⁹ В следующем году выходит ее расширенный вариант,¹⁰ вошедший затем во все базовые хрестоматии по политической философии. В дальнейшем его концепция получит название «справедливость как честность». Так же он назовет первую главу своей самой знаменитой книги «Теория справедливости», которая вобрала в себя многие идеи этого философа, уже высказанные Роулзом в работах конца 1950-х—конца 1960-х гг. Этот обобщающий труд получил широкий и, естественно, неоднозначный отклик как среди коллег-философов, так и среди политических деятелей и в итоге дал мощный толчок развитию либеральной философии.¹¹ В настоящее время большинство социально-политических дискуссий, посвященных вопросам права, справедливости, гражданских свобод или наилучшего устройства общества, так или иначе вращаются вокруг аргументов «за» или «против» роулсианской концепции.

В 1974 г. Роулз занимает пост президента Восточного отделения Американской философской ассоциации. С 1979 г. он преподает в Гарвардском университете, активно публикуясь в философских, политологических и экономических журналах.

В 1993 г. выходит вторая крупная книга Роулза — «Политический либерализм».¹² В ней он, опираясь на идеи, высказанные в «Теории справедливости», по-своему отвечает на центральный вопрос долгого спора либералов, консерваторов и коммунитаристов: «Как защитить основные свободы в плюралистическом обществе?», а также развивает концепцию «человека политического», *homo politicus*, сравнивая ее с концепцией *homo oeconomicus*. Эта книга была сразу же переведена на основные европейские языки и получила многочисленные отклики. Однако дальше мы рассмотрим основные положения лишь роулзовской

⁹ Rawls J. Justice as fairness // J. Philos. 1957. Vol. 54(22). Oct. 24.

¹⁰ Rawls J. Justice as fairness // Philos. Rev. 1958. Vol. 67(2). Apr.

¹¹ В 1972 г. в Оксфорде выходит британское издание «Теории справедливости», в 1975 г. во Франкфурте издается немецкий перевод книги, в 1978 г. выходят ее испанское, японское и корейское издания, в 1981 — бразильское, 1982 — итальянское, 1987 — французское, наконец, в 1995 г. появляется русский перевод: Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

¹² Rawls J. Political liberalism. New York, 1993.

«Теории справедливости», как имеющей непосредственное отношение к теории общественного благосостояния и теме нашего журнала.

Исследователь, желающий блеснуть своим знанием научной терминологии, мог бы так кратко охарактеризовать воззрения Дж. Роулза: «Роулз — либерал, неоконтрактualист, приверженец кантианской этической традиции и деонтологической концепции дистрибутивной справедливости». Расшифруем эти термины, так как не все из них часто встречаются в экономической литературе.

К либералам Роулза относит его особое внимание к вопросам индивидуальных прав и свобод как высших ценностей гражданского общества. И в этом он близок с Дж. Миллем, несмотря на их серьезные расхождения по вопросам утилитаристской этики.

(Нео)контрактualизм (от *contract* — договор) — концепция, известная как «теория общественного договора». Согласно этой теории, свободные граждане в «естественном», атомистическом обществе заключают друг с другом договор о принципах общественного устройства и, при необходимости, о делегировании полномочий по осуществлению общественно полезных функций специально созданному органу (государству). Контрактualизм имеет давнюю традицию, восходящую к античности — стоикам, Эпикуру, Сократу, Платону. Своего расцвета он достиг в эпоху Просвещения. Его сторонниками были такие разные мыслители, как Спиноза, Гоббс, Локк, Руссо, Кант. Однако к XIX в. благодаря трудам Смита, Бентама, Юма, Гегеля идея общественного договора уступила место своей противоположности — идее свободного рынка, «невидимой руки», отрицающей какие бы то ни было изначальные рациональные соглашения между индивидами по поводу устройства общества и предпочитающую эффективность справедливости. Роулз (и близкий к нему Дж. Бьюкенен¹³) во многом способствовал возрождению контрактualистских идей, предлагая, однако, рассматривать общественный договор не как реально имеющее место в истории событие, а как гипотетическую модель для последующих теоретических построений.

Деонтологическую концепцию справедливости (от греч. *δεον*, *род. падеж* *δεοντος* — нужное, должное) Роулз определяет как антоним концепциям телеологическим (от *τελος*, *род. падеж* *τελεος* — результат, цель), таким как, например, утилитаризм, трактующим правильность как максимизацию полезности. Согласно деонтологическим воззрениям Роулза, увеличение количества блага само по себе не является *правильным* процессом. Правильное, или должное, — это соблюдение установленных принципов поведения, которые могут способствовать

¹³ «Мой собственный подход близок к известной философской модели Джона Роулза», — говорил Бьюкенен в своей нобелевской лекции (*Бьюкенен. Дж. М. Сочинения. М., 1997. С. 27*).

росту «счастья для наивозможно большего числа людей», а могут и не способствовать. Данные принципы имеют самостоятельную ценность и вообще не предполагают каких бы то ни было высших человеческих и общественных целей и устремлений или конкретного представления о благе. Поскольку эту идею обстоятельно обосновывал и отстаивал Кант, этику Роулза можно смело отнести к *кантовской*.

Со времен Аристотеля принято разделять понятие *дистрибутивной* (распределительной, или воздающей) и *коммукативной* (уравнивающей, или направительной) справедливости. Первая относится к распределению наличных благ между членами общества (именно эти вопросы в основном интересовали Роулза), вторая — к проблеме эквивалентности (справедливости) свободного обмена благами.

Для того чтобы обосновать свою концепцию, Роулз, исходя из идеи «общественного договора», предлагает рассмотреть гипотетическую ситуацию — он называет ее «исходное положение» (*the original position*). В «исходное положение» помещены рациональные, равные и свободные люди, призванные выбрать принципы справедливого устройства общества, в соответствии с которыми им придется жить в дальнейшем. Согласие участников этой моделируемой ситуации честно выполнять все совместно выработанные правила и послужило причиной названия «справедливость как честность». Но в реальном обществе невозможно договориться о справедливости, ибо каждый участник договора, зная о своих возможностях, будет отстаивать выгодный исключительно для него принцип справедливости. Например, лица, уже добившиеся успехов в жизни, при выборе принципов справедливости будут пытаться сохранить *status quo*. Лица, обладающие определенными природными талантами, выберут, скорее всего, принципы «равенства возможностей» и меритократии, согласно которым все члены общества поставлены в изначально равные социальные условия, при которых они начинают свой жизненный путь. И вершины достигают лишь лучшие из них благодаря своим способностям, упорству и энергии.

Однако влияние, оказываемое на судьбу случайными событиями, нельзя признать справедливым. Человек не должен подвергаться дискриминации в зависимости от своего социального происхождения — по признакам пола, расы или социальной группы. Большинство непредвзятых людей сочтет несправедливым, если блага и положение в обществе будут распределяться в соответствии с данными признаками. Но Роулз идет дальше. Он пишет, что человек при рождении получает случайным образом распределенные не только социальные признаки, но и природные качества — здоровье, уровень интеллекта, физические недостатки или преимущества. И как национальность или родословная не являются предметом свободного выбора человека, точно так же не являются результатом волеизъявления врожденные пороки — физические или умственные. Несправедливо, если некто добивается успеха

благодаря своим природным способностям, например гениальной памяти, абсолютному слуху, или, наоборот, из-за проблем со здоровьем не может достичь желаемого признания. Следовательно, эти характеристики также должны нивелироваться в справедливом обществе. То есть несправедливой является и концепция меритократии.¹⁴

Согласно Роулзу, люди в исходном положении должны пребывать под «вуалью неведения» (the veil of ignorance), т. е. быть лишены знания о своем конкретном будущем социальном положении в конструируемом обществе. Более того, они должны быть лишены также информации о своем происхождении, образовании, профессии, национальной принадлежности, поле, возрасте, физических и умственных способностях, природных талантах и т. д. Только в этом случае на их выбор не будет влиять эгоистический мотив сделать себя «равнее других». Действительно, человек, обладающий хоть какими-нибудь качествами, будет в данной ситуации искать ренту, например банкир — отстаивать льготы для финансового сектора, а человек пожилого возраста — уповать на справедливость геронтократии. Это исходное положение напоминает (но не идентично) разделку праздничного пирога, когда разрезающий не знает, какой именно кусок достанется именно ему, и старается резать «по справедливости». Сам Роулз пишет, что участники его модели действуют так, будто их место в будущем обществе определяли бы их злейшие враги. В подобных условиях действовали создатели американской Конституции, которые написали ее, не зная, кто из них будет впоследствии избран президентом.

Более того, участники контракта лишены даже знания о своем личном представлении «о счастье», т. е. о благе, — они не смогут расположить конкретные блага на карте безразличия, потому что не знают своих предпочтений. Единственное, о чем осведомлены участники такого гипотетического договора, — это о существовании первичных благ (primary goods). Это те фундаментальные блага, которые каждый рациональный человек, независимо от своих конкретных устремлений и общественного положения, хотел бы иметь в той или иной форме. Первичные блага могут быть социальными, например основные человеческие права, свободы, возможности, доходы и богатство, основания для чувства собственного достоинства. Эти блага подлежат справедливому распределению с помощью установленных социальных принципов и институтов. Доступ именно к этим благам будут стараться обеспечить себе люди, находящиеся в исходной ситуации под «вуалью неведения».

¹⁴ Эта идея, как ни странно, подверглась жесткой критике справа именно за свою «справедливость». Вот характерное высказывание лауреата Нобелевской премии по экономике Ф. А. фон Хайека: «Эволюция не может быть справедливой... Поэтому мир Ролса никогда не смог бы стать цивилизованным: при подавлении дифференциации, возникающей в результате везения одних и невезения других, процесс открытия новых возможностей был бы почти полностью обескровлен» (Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 131).

Кроме того, существуют естественные природные блага — здоровье, энергия, интеллект и воображение, которые не находятся непосредственно под контролем общества, хотя и испытывают его влияние.

Какие же принципы справедливости будут выбраны в исходной позиции? Люди, придерживающиеся утилитаристских взглядов (а именно против утилитаризма были направлены основные аргументы Роулза), выбрали бы такие принципы распределения первичных социальных благ, при которых бы максимизировалась общая полезность в обществе. Однако Роулз не считает такой выбор рациональным. Действительно, в этом случае существует определенный риск, что вы окажетесь в числе наименее обеспеченных граждан либо граждан, ущемленных в каких-либо правах из-за своего происхождения или социального положения. Некоторые склонные к риску личности пошли бы на это, сравнив вероятности оказаться наверху и внизу социальной лестницы. Но в tomto и дело, что «вуаль неведения» не позволяет нам сделать такого сравнения и даже не дает нам возможности узнать собственную склонность к риску. Кроме того, Роулз в своей критике утилитаризма заимствует у Руссо пример обычной семьи, члены которой вряд ли будут придерживаться принципа максимизации совокупного удовольствия, безотносительно дифференциации удовольствия между ними и средств достижения такой максимизации.

Единственным рациональным выбором в данной ситуации, по Роулзу, будет стратегия *максимина*, согласно которой общество старается максимизировать благосостояние своих наименее обеспеченных членов. Только в этом случае все граждане получают максимально возможную защиту от случайного распределения социальных и природных выгод, и останется лишь честно выполнять достигнутые договоренности после того, как люди, скинув «вуаль неведения», узнают свое истинное положение в обществе.

Представьте, например, что вы, не имея каких-либо определенных конкурентных преимуществ в виде прекрасного образования, выдающихся интеллектуальных способностей, богатого опыта, обширных связей и т. п., ищете работу. У вас есть возможность устроиться в одну из трех фирм. Все они равнозначны, кроме своей политики в области заработной платы. В первой — максимальный общий фонд оплаты труда (и соответственно самая высокая средняя заработная плата), во второй — наименьший разрыв в зарплате между высшим руководителем и самым низшим исполнителем, в третьей — наибольший из трех фирм установленный минимальный размер оплаты труда. В этом случае утилитарист выберет первую фирму, эгалитарист (сторонник равномерного распределения) — вторую, а роулсианец попытается устроиться в третью.

Более строго принципы справедливости Роулз формулирует следующим образом. *Первый принцип*: «каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основ-

ных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей»; *второй принцип*: «социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно (а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших... и (b) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей».¹⁵

Первый принцип справедливости Роулз обозначил как *принцип равных свобод*, второй принцип (а) — *принцип различия (дифференциации)*, второй принцип (b) — *принцип участия (равных возможностей)*.

Свои принципы справедливости Роулз расположил в лексикографическом порядке, т. е. таком, в котором располагаются слова в словарях — первая буква имеет абсолютный приоритет при определении места слова в словаре перед всеми последующими, вторая буква — перед всеми, начиная с третьей, и т. д. То есть каждый следующий принцип не выполняется, пока не выполнен предыдущий.

Лексикографический порядок принципов справедливости по Роулзу таков:

$$1 > 2(b) > 2(a).$$

Итак, первый принцип имеет абсолютный приоритет над вторым — Роулз называет это *приоритетом свобод*: «основные свободы могут быть ограничены только во имя самой свободы».¹⁶ И пока не выполнено это условие, говорить о каком бы то ни было справедливом распределении не имеет смысла. При этом под основными свободами подразумеваются политические и гражданские права, стандартные для либеральных демократий, — свобода совести, слова, передвижения, право голосовать и быть избранным, право на законный суд и т. п. Однако идея свободы уже давно нашла признание в западной политической философии, и поэтому приоритет свободы — наименее оспариваемая часть роулсианской теории. Больше споров вызвало его второе правило приоритета — *приоритет справедливости над эффективностью и благосостоянием*. Оно звучит следующим образом: «второй принцип справедливости лексически [лексикографически. — ЭШ] предшествует принципу эффективности и принципу максимизации суммы выгод; а честное равенство возможностей предшествует принципу различия»¹⁷ (при этом эффективность Роулз определяет по Парето). Таким образом, принципы социальной и политической справедливости Роулз однозначно трактует как приоритетные по сравнению с принципами экономической эффективности и целесообразности.

¹⁵ Роулз Дж. Указ. соч. С. 267.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Теперь мы можем так упрощенно изобразить роулсианские принципы справедливости:

Равные	γ	Равные	γ	Ресурсы в
свободы		возможности		пользу бедных

Заметьте, что принцип дифференциации, который обычно вспоминают в связи с Роулзом, сам он ставит лишь на третье место по приоритетности.

Итак, согласно Роулзу, изначально общество должно обеспечить абсолютно равное распределение основных свобод и возможностей достижения социального успеха. То есть не допускается ситуация, при которой увеличивается степень свободы одного индивида за счет уменьшения свободы другого на том основании, что это увеличивает общую сумму свобод в обществе. После выполнения первого принципа, и только после этого, допустимо неравенство в обществе, но лишь в том случае, если это неравное распределение благ способствует улучшению положения наиболее обездоленных. При этом отнесение человека к преуспевшим или обездоленным определяется через его владение первичными благами. И только затем можно говорить о выполнении утилитаристских условий повышения общего уровня благосостояния.

Следует сказать, что, несмотря на высказывание: «существенно важно помнить о том, что наша тема — теория справедливости, а не экономика, хотя бы и элементарная»,¹⁸ Роулз, хорошо знакомый с экономической теорией, достаточно много (для современного философа) внимания уделил экономическим аспектам применения своих идей, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой нами в данном выпуске «ЭШ» теории общественного благосостояния. Однако сам Роулз не использовал термин «благосостояние», так как тот «наводит на мысль, что неявно присутствует утилитаристская моральная концепция».¹⁹

При рассмотрении экономических вопросов Роулз основное внимание уделяет нормативным рассуждениям об институтах, способных поддерживать и воспроизводить справедливую социальную систему, и о необходимости изменения существующих социальных и экономических институтов при реформировании современного общества в сторону общества справедливого. При этом, рассуждая о различных социальных системах, он подчеркивает, что «нет существенной связи между использованием свободных рынков и частной собственностью на средства производства»²⁰ и что принципам справедливого общества может удовлетворять как демократия с преобладанием частной собственности, так и общество, в котором господствующей формой является государствен-

¹⁸ Там же. С. 238.

¹⁹ Там же. С. 232.

²⁰ Там же. С. 242.

ная собственность (именно такие системы он определял как социалистические).

При этом следует отметить, что сам Роулз определял свои принципы лишь как базовые для построения структуры общества, например при определении налоговой и социальной политики, антимонопольного и наследственного права, конструировании системы трансфертов и т. п. И он вовсе не предполагал, что ими надо пользоваться при совершении конкретных сделок или принятии локальных решений.

Концепция Роулза подвергалась и продолжает подвергаться ожесточенной критике, причем преимущественно с неоконсервативных позиций — сторонники социалистических и коммунитаристских идей находят у Роулза много близких им высказываний.

Среди оппонентов Роулза такие известные личности, как М. Фридмен, фактически отрицающий необходимость перераспределительных институтов в свободной эффективно организованной рыночной экономике; уже упоминавшийся нами Ф. Хайек, считавший неверным вообще увязывать понятия справедливости и распределения — последнее осуществляется на основе принципов, не отражающих ничьих устремлений и выработанных в процессе развития цивилизации без чьего бы то ни было разумного участия; Р. Нозик, выходец из семьи российских эмигрантов, коллега Роулза по Гарвардскому университету и один из самых влиятельных его критиков в стане либертарианских философов; Д. Белл, автор теории постиндустриального общества, давший развернутую критику роулсианских воззрений на экономику, политику и социальную психологию.

Что ж, пристальный интерес со стороны уважаемых людей к неким идеям лишь свидетельствует о том, что эти идеи талантливы, новы и актуальны. Любой ученый мечтает о таком признании. Мечта Роулза как ученого, можно считать, сбылась. Сбудутся ли его идеи?